

НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ...

О том, как братья Макаренко в 1930 годах
пытались восстановить контакт друг с другом

Гётц Хиллиг,
руководитель
марбургской
лабораторией
«Макаренко-
Федерат»,
президент
Международной
Макаренковской
ассоциации

Двое детей короля
Сильно любили друг друга.
Но их разлучила река,
И воды её глубоки.
Старинная немецкая народная песня

Работая в течение многих лет над биографией А.С. Макаренко, я обратил внимание на факты, связанные с попытками братьев Макаренко — Антона и Виталия — восстановить друг с другом отношения в 1930 годы. Долгое время каждый из них ничего не знал о судьбе другого.

Как известно из материалов, опубликованных марбургской лабораторией «Макаренко-реферат», эмиграция Виталия — бывшего офицера царской армии, присоединившегося в 1919 году к белогвардейцам и после их разгрома бежавшего за границу, в значительной мере осложнила жизнь его старшего брата в стране Советов. В биографиях выдающегося советского педагога, написанных макаренковедом СССР, не нашлось места для брата-эмигранта, как, впрочем, и для трёх сестёр, ничем не опорочивших автора «Педагогической поэмы» и «Книги для родителей». Видимо, такие факты посчитали «тёмными пятнами» на иконе советской педагогики.

В своих воспоминаниях Виталий писал, что о смерти брата узнал из эмигрантской газеты «Последние новости» (Париж) от 3 апреля 1939 г. В ней, как и в советской прессе, сообщалось, что в Москве «умер писатель Макаренко»¹. Для Виталия, который переписывался со своим братом-педагогом в 1920 годы, оказалось полной неожиданностью узнать, что заветное желание Антона стать писателем — исполнилось.

Справедливости ради отмечу, что об успехах брата на литературном поприще Виталий Семёнович узнал несколько раньше. Своей дочери Олимпиаде, проживавшей в Москве, Виталий, кроме вышеупомянутого некролога, выслал заметку из парижской газеты от 4 февраля 1939 г. В ней говорилось о писателях, награждённых орденом за заслуги в области советской литературы. Фамилия Макаренко была подчёркнута Виталием. Автор газетной публикации обращал внимание читателей на то, что награждение является доказательством реабилитации некоторых писателей, в том числе и Макаренко, «недавно подвергавшихся разным партийным нареканиям и обвинениям». Что касается Макаренко, то он, как известно, стал объектом ожесточённой критики за повесть «Флаги на башнях». В настоящее время обе вырезки из газеты «Последние новости» хранятся в Кременчугском музее А.С. Макаренко².

Возвращаясь к тому времени, когда переписка между братьями стала невозможна, следует отметить некоторые особенности выступлений А.С. Макаренко и материалов, подготовленных им для печати, где речь шла о зарубежных странах. Говоря о них, Антон Семёнович всегда имел в виду Францию, где жил его брат. Этот факт прошёл мимо внимания специалистов-макаренковедов, поскольку хранительница наследия педагога-писателя, его вдова Галина Стахивевна, изымала из стенограмм выступлений и авторских рукописей название этой страны.

Читатели трудов Макаренко, возможно, помнят те два места, которые его вдова «забыла» изменить. В выступлении в Украинском НИИ педагогики 14 марта 1928 г., на вопрос одного из критиков, зачем ему в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского понадобились трубы, Макаренко ответил: «Предположим, сегодня приехали французы, встретили их

1

Макаренко В.
Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма / Редактор и автор комментариев Г. Хиллиг. Марбург, 1985. С. 74.

2

Мемориальный педагогический музей А.С. Макаренко / Кременчуг, № 2167, 2168.

с оркестром. Если оркестр играет, то вы говорите, что это военный дух. Поскольку есть оркестр в каждой военной части, то это военный дух, но поскольку оркестр есть на каждой фабрике, то это не военный дух, а в медной трубе нет никакого военного духа»³. Другая ссылка на Францию находится в «Опыте методики работы детской трудовой колонии» (осень 1932 г.) в разделе «Коллектив: «Мы готовим «коллектив» сотрудников ГПУ, но не скажем «Коллектив французского министерства внутренних дел»»⁴.

Особый интерес вызывает следующая редакторская правка в письме Макаренко от 7 декабря 1938 г. бывшему коммунару Леониду Конисевичу, который стал моряком и за участие в эвакуации испанских детей из порта Бильбао в 1936 году был награждён орденом. На основе писем, полученных от воспитанника, Макаренко увидел его литературное дарование. В своём письме Антон Семёнович пытается побудить Конисевича делать заметки в ходе его сухоходных путешествий и написать произведение: «Ведь у нас нет ни одной книги о Западной Европе, ни одной порядочной строчки». При публикации письма в семитомнике «Сочинений» А.С. Макаренко эта фраза была изменена следующим образом: «(...) ни одной *большевистской* книги (...), ни одной строчки». О том, как будущий литератор должен приступить к делу, в опубликованной версии письма можно прочитать: «Нужно только всё видеть нашими советскими глазами...», но такая фраза отсутствует в подлиннике⁵. С помощью такой политизированной подмены составители семитомника хотели отвести внимание читателей от очевидного желания Макаренко узнать что-либо о сегодняшнем состоянии Западной Европы, о мире, в котором живёт его брат. В комментарии к некорректной публикации данного письма в восьмитомнике «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко содержатся ложные сведения о том, что материал «публикуется по архивному источнику»⁶.

Следы редакторской бдительности Галины Стахивны Макаренко (Салько) можно обнаружить также и в другой части её «творческой» деятельности. В начале 1970 годов, работая над подготовкой марбургского издания «Собрания сочинений» А. Макаренко, я просматривал в библиотеке им. В.И. Ленина в Москве советскую периодику 1930 годов. И тогда среди прочих материалов обнаружил в журнале «Revue de Moscou» и в газете «Le journal de Moscou» две неизвестные публикации Макаренко на французском языке, относящиеся к 1937–38 годам: «Le chemin de la vie» (Путёвка в жизнь) и «La femme soviétique» (Советская женщина). В обоих случаях есть указания на то, что автор этих статей хотел сообщить живущему во Франции брату о том, что его юношеская мечта «стать писателем и завоевать славу»⁷ — сбылась.

Первый материал — перевод статьи «Выбор профессии». Она была напечатана с неправильной пометкой «публикуется впервые» в сборнике «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко (1948 г.). В таком виде статья вошла во все собрания трудов педагога-писателя. В комментариях к этим публикациям составители (В.Е. Гмурман и др.) цитируют следующую запись из дневника Макаренко от 14 августа 1937 г.: «Статья о выборе профессии во французский журнал». Эта запись натолкнула меня на мысль отыскать упомянутую публикацию. В статье Макаренко — видимо, и для того, чтобы напомнить брату об их родстве, — упоминает о своём происхождении и педагогической деятельности. Он пишет: «Я проработал в железнодорожной школе девять лет, выпустил в жизнь человек 500 (...)». «После революции судьба поручила мне «самый низший отдел человечества» — беспризорных... (...) Скоро закончится 17 лет, как я работаю с ними»⁸.

Французский вариант статьи приводится в 9-м томе двуязычного марбургского издания (1978 г.), что побудило составителей последнего советского собрания трудов А.С. Макаренко (А.А. Фролов

3

Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т. М., 1983–1986 (ПС). Т. 1. 1983. С. 78.

4

Там же, с. 176.

5

См.: Hillig G. Vom allzu «nachlaessigen» Umgang mit Makarenkos Nachlass [О слишком «небрежном» обращении с наследием Макаренко] / Beitrage zur Makarenko-Forschung in Deutschland. [Hrsg.: E. Guenther-Schellheimer]. Berlin: Makarenko-Forschungsstelle. 1990. С. 65–87 (здесь: С. 70–75).

6

ПС. Т. 8. М., 1986. С. 229.

7

Там же. Т. 7. М., 1986. С. 96.

8

Там же. Т. 4. 1984. С. 38–39.

и др.) включить в комментарий 4-го тома (1984 г.) указание на факт публикации статьи уже в 1937 г. — правда, без ссылки на находку их немецких коллег⁹.

Примечательно, что во французском варианте статьи об авторе сказано следующее: «А. Макаренко, l'auteur du syllibre roman «Le Poème Pédagogique» (А. Макаренко, автор известного романа «Педагогическая поэма»)»¹⁰. Подобная ссылка есть и во втором материале — расширенном варианте статьи «Советские летчицы», опубликованной днём раньше в «Литературной газете». Во французской статье «La femme soviétique» речь идёт о «писателе А. Макаренко» (l'écrivain A. Makarenko)¹¹.

Ещё до этих двух франкоязычных публикаций А.С. Макаренко газета «Le Journal de Moscou» на страницах одного из своих первых номеров (14 июля 1934 г.) поместила подробную рецензию на первую часть «Педагогической поэмы»¹², журнальный вариант которой в начале года вышел в свет в горьковском альманахе «Год семнадцатый». Заслуживает внимания, что данный отзыв, написанный заведующим литературным отделом газеты А. Дмитриевым, был опубликован ещё до начала широкой дискуссии о «Поэме» в советской печати. Характеризуя автора, рецензент называет его «глубоко прямым человеком, который непоколебимо верит в верность и в успех своего произведения». Название рецензии «Poème pédagogique. La commune du travail Gorki, en Ukraine» (Педагогическая поэма. Трудовая коммуна им. Горького на Украине) можно расценивать как знак автора книги или её рецензента в адрес Виталия о писательском пути брата. Не исключено, что А.С. Макаренко во время своего пребывания в Москве в апреле 1934 г. заходил в редакцию франкоязычной газеты для того, чтобы узнать о возможности рецензирования его книги. Впрочем, адресат во Франции ничего не знал о существовании всех этих публикаций. Виталий рассказывал, что он принципиально не читал никакой «большеви-

ской прессы». Поэтому попытки контактов такого рода были обречены на провал.

Хорошо помню тот вечер, когда в октябре 1973 г., после обнаружения двух вышеназванных публикаций А.С. Макаренко, я встретился с В.Е. Гурманом и его сотрудниками в Институте теории и истории педагогики АПН СССР. Гурман был озадачен фактом существования макаренковских статей на французском языке, о чём открыто сказал мне, подчеркнув, что Галина Стахивна передавала сотрудникам лаборатории А.С. Макаренко для работы по изданию семитомника «Сочинений», кроме русско- и украиноязычных, лишь публикации на английском языке. Спустя 15 лет, работая в макаренковском фонде ЦГАЛИ СССР, я обнаружил: в сохранившихся списках публикаций педагога-писателя, составленных сотрудниками московской лаборатории, эти статьи не значились. Почти все следы в жизни и творчестве А.С. Макаренко, которые ведут во Францию, Галина Стахивна тщательно замела...

В связи с этим стоит упомянуть и статью «Народное просвещение в СССР», рукопись которой, как следует из комментариев к публикации материала во всех собраниях трудов А.С. Макаренко, организованных его вдовой, в том числе и семитомника, «сохранилась не полностью»¹³. Такая формулировка не исключает возможности, что речь могла идти о работе, окончательный вариант которой не сохранился. Но в восьмитомнике, составленном уже без участия Галины Стахивны, соответствующие свидетельства указаны недвусмысленно: речь идёт о «незавершённой работе»¹⁴. Впрочем, её текст до сих пор не издан в аутентичном виде. В публикациях статьи можно найти идентичные редакторские изменения такого рода, помимо ошибок расшифровки рукописи и идеологически-административно продиктованных купюр, ликвидация которых в восьмитомнике, по свидетельству участников текстологической сверки материала С.С. Невской и составителя данного тома А.А. Фролова, производилась, но затем уже в издательстве отменялась.

9

Там же. С. 381.

10

«Revue de Moscou». 1937. № 9. С. 26.

11

Le Journal de Moscou. 1938. № 11/X. С. 4.

12

Le Journal de Moscou. 1934. № 11. 14/VII. С. 4 (А. Dmitrieff).

13

Макаренко А.С. Сочинения: В 7 т. 2-е изд. (С). Т. 5. М., 1958. С. 541.

14

ПС. Т. 4. М., 1984. С. 384. Здесь есть ссылка на ЦГАЛИ, 322-4-107.

О времени написания материала говорится в семитомнике: «По свидетельству Г.С. Макаренко, настоящая статья была написана А.С. Макаренко в Киеве, до переезда в Москву. Судя по содержанию, она, по-видимому, относится к концу 1935 года»¹⁵. Но в восьмитомнике можно прочесть: «По содержанию датируется осенью 1937 г., написано к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁶.

По моему мнению, данный материал Антон Семёнович действительно написал в Киеве, о чём свидетельствовала и Галина Стахивна, но на один год позже, хотя там и приводятся статистические данные относительно 1935 года.

Из заголовка статьи «Народное просвещение в СССР» и из её содержания можно сделать вывод, что она была предназначена для зарубежного читателя (и написана на основе соответствующего заказа) для одной из публикаций, планировавшихся к Международной выставке 1937 г., открывшейся 25 мая того года в Париже. Однако до сих пор не удалось установить, существовал ли буклет с текстом статьи на французском языке, как, например, был переведён на английский очерк Макаренко «Дети в стране социализма»¹⁷ по случаю Нью-Йоркской выставки двумя годами позже. Соответствующих сведений и источников вокруг истории материала из архива педагога-писателя, разумеется, не сохранилось, да и в весьма скудном фонде Советского павильона Парижской выставки в Госархиве Российской Федерации (в отличие от фонда Нью-Йоркской выставки) об этом ничего нет. Поэтому пока не представляется возможным решить этот вопрос окончательно. Впрочем, вышеупомянутая статья «Le chemin de la vie» (Путёвка в жизнь) в 9-м номере журнала «Revue de Moscou» за 1937 год была опубликована именно по случаю Парижской выставки. Таким образом, не исключено, что статья «Народное просвещение в СССР» была первой, но отклонённой редакцией попыткой сделать материал для франкоязычного журнала...

Когда в 1993 году мы со Светланой Невской получили, наконец, возможность ознакомиться в РГАЛИ (бывший ЦГАЛИ СССР) с той частью наследия А.С. Макаренко, которую его вдова не предоставила коллективу составителей семитомника, то обнаружили там отзывы французской прессы о первой части «Педагогической поэмы», перевод которой под названием «Le chemin de la vie» вышел из печати в начале марта 1939 г. в Париже. Этот комплект «буржуазных» откликов в русском переводе был выслан автору из Москвы 26 марта, за неделю до смерти¹⁸. А так как в тот момент он отсутствовал в столице, отклики, по всей вероятности, не попали в руки автора. Скорее всего Макаренко вообще не знал о выходе в свет долгожданного французского перевода своей книги. В архивных фондах по этому поводу пока ничего не обнаружено.

В связи с вышеизложенным можно сделать следующий вывод: публикации на французском языке, очевидно, были для А.С. Макаренко единственной легальной возможностью сообщить брату хоть какую-то информацию о своих успехах на литературном поприще.

Г.С. Салько-Макаренко хорошо чувствовала политическую обстановку в стране. Она знала, что любая связь с братом-эмигрантом может стать порочащей и крайне опасной как для самого А.С. Макаренко, так и для их семьи. Как рассказала Татьяна Лебедева (внучка Г.С. Салько) в беседе с автором этой статьи, Антона Семёновича, по словам Галины Стахивны, в связи с перепиской с Виталием не раз вызывали в Харьковское ГПУ для «доверительных» бесед о прекращении контактов с братом. В письме марбургской лаборатории от 25 октября 1971 г. об этом же говорит и Виталий, однако несколько иначе: «(...) как писал мне сам Антон, его несколько раз вызывали в ГПУ вместе с моими письмами»¹⁹.

Тем не менее Антон Семёнович не позволил сломить себя. Как видно из переписки с женой, он получал письма от брата и отвечал на них, по крайней мере, до осени

15

С. Т. 5. С. 541.

16

ПС. Т. 4. С. 384.

17

Макаренко А. Children in the Land of Socialism. М., 1939.

18

Российский госархив литературы и искусства (РГАЛИ). М. 332

19

Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович. С. 90.

20

«Ты научила меня пла-
кать...». Переписка
А.С. Макаренко с же-
ной (1927–1939):
В 2 т. / Сост. Г. Хиллиг,
С. Невская. М.,
1994–1995. Т. 2 1995.
С. 20.

21

Дополнительные штри-
хи к портрету А.С. Ма-
каренко. Беседа
с В.В. Кумаринным
(Марбург, 2 ноября
1988 г.) / Ред.: Г. Хил-
лиг. Марбург, 1989.
СЛП.

22

В беседе с автором
(Харьков, 1971).

23

См.: На разных бере-
гах. С. 96.

24

См.: *Макаренко В.*
Мой брат Антон Семё-
нович. С. 90.

25

ПС. Т. 3. М., 1984.
С. 491.

26

См.: *Балабанович Е.*
Антон Семёнович Ма-
каренко. Человек и пи-
сатель. М., 1963.
С. 208–209.

1929 года. В том же году 4 ноября, когда Галина Стахивевна находилась на лечении в санатории, Антон сообщил ей: «Получил письмо от Вити. Он просит передать привет «твоей Гале», пишет, что на днях пришлёт для Вас письмо, а пока просит от его имени подарить Вам букет гвоздик, он мне когда-то выплатит их стоимость»²⁰.

Есть все основания предполагать, что после получения такого письма Галина Стахивевна настоятельно потребовала от мужа немедленно прекратить переписку с братом. Как подчёркивала Т.Л. Лебедева, решающее слово в этом вопросе оставалось за Г.С. Салько: «Бабушка мне рассказала о брате А.С., что он его очень любил и долго с ним переписывался. А.С. очень переживал, когда она умолила его прекратить переписку. Сейчас можно сказать, что этим она в то время спасла А.С. от ареста. ... То, что этот вопрос беспокоил её и в конце 50-х годов, совершенно верно. Ведь тогда тоже было криминалом иметь родственника за границей, да ещё «белогвардейца»²¹.

В конце 1929 — начале 1930 года вопрос о своих контактах с «нежелательным» заграничным родственником А.С. Макаренко решил для себя бесповоротно. По сведениям бывшего коммунара В.И. Коломийцева²², Антон Семёнович на общем собрании читал воспитанникам «Дзержинки» вслух письмо, полученное от брата, и ответ на него. Речь шла о решении прервать переписку, так как А.С. Макаренко якобы был оскорблён обвинением брата в том, что он «продался окончательно за копейки большевикам». Таким образом, у Антона Семёновича была веская причина для разрыва. По рассказам Коломийцева, этот случай можно отнести приблизительно к вышеупомянутому времени. Как видно из переписки В.С. Макаренко с марбургской лабораторией, он категорически отрицал возможность такого «выпада» со своей стороны²³.

Сохранились записи А.С. Макаренко для литературного проекта, в которых упомянуто о «потере брата-белогвардейца». Речь идёт о неопубликованной руко-

писи под названием «Педагогическая поэма». Общий план», относящейся к первой половине 1930 г. Тогда Макаренко работал над подробным планом трёх- или четырёхтомного варианта своего произведения. Вместо истории колонии им. М. Горького он намеревался описать судьбу двух персонажей, жизнь которых разворачивается на фоне столкновений, происходивших в колонии для правонарушителей (она не называется): т.е. судьбу организатора этого учреждения «А» (Макаренко) и сотрудницы Наркомпроса «Б» (Салько). В «общем плане» сказано: «Личное индивидуальное озлобление сильной личности. Борьба рабочего презрения к погибшему миру и бунт гордой личности, не желающей быть подхваченной никакими вихрями. Последние отзвуки потерь, в том числе потери брата-белогвардейца»²⁴. Таким образом, он хотел включить разрыв отношений с братом в «Поэму». Вот также переработанный, более мягкий авторский вариант данного отрывка, который Г.С. Макаренко представила коллективу составителей семитомника (опубликован же он лишь в восьмитомнике): «Личное озлобление сильной личности. Рабочее презрение к погибающему миру. Последние отзвуки потерь, брат, мать»²⁵.

Летом 1930 г. в одном из писем Макаренко к жене, которое цитирует Е.З. Балабанович в своей книге «А.С. Макаренко», говорится о том, что педагог-писатель не будет продолжать работу над этим вариантом «Поэмы»²⁶. Как и все остальные письма Макаренко к Г.С. Салько того года, оно не сохранилось. Эти письма были уничтожены адресатом, потому что они могли содержать сведения, компрометирующие её семью. Впрочем, письма Виталия также не сохранились в наследии А.С. Макаренко. Вероятно, он сам уничтожил послания брата-эмигранта.

Как известно, в сентябре 1931 г., во время последнего этапа кавказского похода коммунаров-дзержинцев, Антон запланировал на следующий год путешествие

по Европе вместе с воспитанниками и намеревался пройти маршем «с красным знаменем по Парижу»²⁷. Вероятно, он хотел продемонстрировать Франции, в том числе и брату, насколько эффективно работает введённая по инициативе Виталия система военизированного воспитания. По воспоминаниям С.А. Калабалина (в беседе с моравским макаренковедом Либором Пехой), это путешествие так и не было реализовано «из-за страшного голода» на Украине²⁸.

В 1930-х годах А.С. Макаренко избегал любого упоминания о брате, как открыто, так и в личных записях. Хотя к истории своей семьи ему все же пришлось дважды обратиться: при устройстве на работу в НКВД и при попытке вступить в партию.

Так, в анкете специального назначения для работника НКВД УССР от 17 ноября 1935 г. А.С. Макаренко пишет: «Мой брат Виталий Семенович Макаренко, род. 1895 г., с августа 1919 года был в армии Деникина — подпоручиком, сейчас в эмиграции. (...) местожительство мне неизвестно, связи не имею»²⁹. В анкете кандидата в члены ВКП(б) от 15 февраля 1939 г.: «Брат Виталий (род. 1895) прапорщик военного времени, был в армии Деникина, до 1928 года был в эмиграции в Париже, с 1928 г. сведений о нём не имею»³⁰.

В действительности Виталий не был ни прапорщиком, ни подпоручиком. В Добровольческой армии «белогвардейцев» он имел звание поручика. И последнее известие от него Антон получил не в 1928, а в 1934 году, т.е. шестью годами позже, о чём он написал во второй анкете.

Виталий беспокоился о судьбе брата. Свидетельство тому — две открытки, полученные Антоном из Франции, на которые он, однако, не ответил. На первой (где изображена «Мона Лиза» Леонардо да Винчи) Виталий пишет из Парижа 30 марта 1930 г.: «Привет из Лувра. Почему молчишь? Пиши пока по лионскому адресу, т.к. здесь я ещё не устроился. Целую. В». Эта открытка, адресованная «U.R.S.S. — Russie. Харьков. Почтамт, почтовый ящик 309. Антону Семеновичу Макаренко»

со штемпелем «Харьков, 6.4.30» (п.я. 309 — адрес коммуны им. Ф.Э. Дзержинского), сохранилась совершенно случайно, так как Олимпиада Витальевна оставила её для своей коллекции открыток.

Вторая открытка — запрос в коммуну — находится в наследии А.С. Макаренко в РГАЛИ. Она написана 11 июня 1934 г. по адресу: «Харьков. Колония им. Дзержинского. U.R.S.S.» Её текст гласит: «Товарищи. Сообщите что-нибудь о судьбе Антона Семёновича Макаренко. Адрес: Nice (A.M.), 4, Rue Miron, M. Bland. France». Ницца — административный центр департамента Приморские Альпы (Alpes Maritimes). Также эту открытку с видом известного курорта в ночной иллюминации написал сам Виталий, хотя она не подписана его именем. Видимо, поэтому документ и сохранился в наследии педагога-писателя как послание от неизвестного лица³¹. Тот факт, что открытка находится именно в его личном архиве, свидетельствует о том, что Антон сам получил её и знал имя отправителя.

На этот запрос А.С. Макаренко также не ответил. Вообще в этой сложной семейной ситуации он вёл себя очень осторожно, поскольку к тому времени уже работал в коммуне ГПУ-НКВД. Страх и тревога были настолько велики, что он не отваживался даже передать информацию для брата ни гостям коммуны из Франции (напр., политическим деятелям Э. Эррио и П. Котт — 1933 г.), ни близким ему лицам, отправляющимся в Париж (в том числе наркому просвещения УССР В.П. Затонскому — 1935 г., писателю В.Г. Финку — 1937 г.).

Во время посещения коммуны бывшим премьер-министром Франции, мэром Лиона господином Эррио (Herriot), 28 августа 1933 г. Макаренко удалось заинтересовать гостя созданной им системой воспитания. Бывшие коммунары рассказывали, что Эррио даже приглашал Макаренко во Францию. Днём позже центральная газета «Известия» опубликовала подробный отчёт своего спецкорреспондента об этом событии: «Французские общественные

27

«Ты научила меня плавать...». Т. 2. С. 158.

28

См.: *Pecha L.* Makarenko a sociasna kolektivni vychova [Макаренко и современное коллективное воспитание]. Praha, 1968. С. 79–80.

29

РГАЛИ, 332-4-350.

30

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Рукописный отдел, 114-1-5, л. 3.

31

РГАЛИ, 332-4-607, л. 1.

32

Известия ЦИК (М.).
1933. № 213 (29.08).
С. 1.

33

Herriot E. Orient. Paris,
1934. С. 176–177.

34

Госархив Харьковской
области, п. 58-1-18,
л.14.

деятели подробно ознакомились с административной структурой коммуны, с производством, бытом коммунаров — бывших беспризорных и малолетних правонарушителей. Гости были поражены чистотой и порядком, отличающим коммуны, обилием цветов и свежего воздуха. Эррио подробно беседовал с помощником начальника коммуны по учебной части т. Макаренко и интересовался, каким образом руководству коммуны удаётся воспитывать одновременно в одних стенах и беспризорных, и подростков, имеющих профессионально-уголовные навыки. Тов. Макаренко подробно разъяснил французским гостям, что советская педагогика не признаёт врождённой преступности и что основными методами воздействия на ребят являются дисциплина коллектива и коллективный труд»³².

Об этой беседе, как известно, Макаренко впоследствии неоднократно упоминал во время своих выступлений 1938–39 гг. Она нашла отражение и в книге Эррио о поездке на Восток «Orient»: «Несовершеннолетние преступники вместе с беспризорниками: разве это сочетание не опасно? «Нет, — отвечает мне начальник учебной части. — Наша дисциплина не позволяет никакого уклона; мы опасаемся изоляции детей с преступными наклонностями; мы подходили к воспитаннику так, как будто бы он ранее и не был осуждён; мы хотим, чтобы он забыл своё прошлое, как это делаем и мы; мы проектируем интересы воспитанника в его будущее. Когда мы сталкиваемся с патологическим случаем, то направляем такого человека в другое учреждение...»³³ В связи с этим Эррио ссылается на юбилейный сборник харьковской коммуны «Второе рождение», экземпляр которого ему передали в «Дзержинке». В данную книгу вошли, как известно, макаренковские материалы «Перевернутые страницы» и «Педагогижимают плечами».

Критическое отношение мировой общественности к поездке Эррио, предпринятой во время голода на Украине, когда гостю были показаны не только советские достижения, как коммуна им. Ф.Э. Дзер-

жинского, а также «потёмкинские деревни», неоднократно высказывалось в печати. Видимо, оно послужило причиной того, что В.С. Макаренко не обратил внимания на данную книгу.

Таким образом, попытки братьев Макаренко в 1930-х годах с помощью печати и почты восстановить контакт друг с другом остались безрезультатными.

«...Их разлучила река»...

Р.С. Работая над окончательным вариантом этого материала в бывшем партийном архиве Харьковской области, я обнаружил документ, который проливает свет на причины прекращения переписки А.С. Макаренко с братом. Речь идёт о протоколе № 1 заседания (от 22 апреля 1930 г.) апелляционной парттройки Харьковской окружной контрольной комиссии по разбору апелляций ячейки «Работпрос».

Первым пунктом повестки дня заседания апелляционной парттройки, в котором участвовали 150 человек (партийных и беспартийных), было рассмотрение дела Салько Галины Степановны (!), члена партии с декабря 1917 г. Из протокола заседания видно, что она «3 года не работает по болезни (туберкулёз)». По словам двух свидетелей из наробраза, Г.С. Салько до болезни была активным членом партии, «чутким и хорошим товарищем, интересуется партийной жизнью». На основании этих свидетельств апелляционная тройка постановила: «Считать проверенной»³⁴.

Через три недели апелляционная тройка решила вопрос о партийной судьбе Галины Стахивны, подтвердив её членство, что не предотвратило исключение её из рядов родной партии во время очередной чистки в 1933 году.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: решающим фактором прекращения переписки А.С. Макаренко с братом было требование его жены, которая боялась потерять партийный билет. Именно настойчивость Г.С. Салько (а не предупреждения органов ГПУ) стала причиной разрыва его контактов с братом.

Так партийность и страх победили родственные чувства. **НО**